

Пусть этот фильм ждет огромный успех, а сборы пробьют отметку в десять миллиардов! — Режиссер Сун Цюань осушил бокал до дна и поставил его на стол, наполненный ароматом вина. Под всеобщие поздравления он направился к стоявшему неподалеку и погруженному в свои мысли Се Цзюню.

Се Цзюнь, этот итоговый монтаж получился отличным, я возлагаю большие надежды на твою актерскую игру. — Сун Цюань крутился в режиссерских кругах долгие годы и красивых людей повидал немало, но мало кто мог сравниться с Се Цзюнем по части особого, завораживающего шарма.

Поистине захватывающая статья.

Се Цзюнь пришел в себя и озарил собеседника улыбкой: — Все благодаря чуткому руководству режиссера Суна, это заслуга всей съемочной группы. — Дежурная официальная фраза.

— Нет-нет... в этом вопросе тебе не нужно скромничать. Ты очень точно передал надрывную боль главного героя, не желавшего расставаться с музыкой, особенно в той сцене, где ради возлюбленного он рушит мечту всей своей жизни... — серьезно оценил Сун Цюань.

Когда монтировали этот эпизод, я даже расплакался. — Стоило Сун Цюаню вспомнить взгляд главного героя, потерявшего свои идеалы, но в то же время переполненного любовью, как по его коже пробежала дрожь.

Он изначально полагал, что Се Цзюнь — всего лишь бывший айдол, подавшийся в актеры и не имеющий за душой особого жизненного опыта, но этот парень оказался чертовски крут и смел.

Се Цзюнь привычным жестом поднес бокал с шампанским к губам, но тут же замер.

И неподдельно спокойно опустил руку.

Он одарил Сун Цюаня дружелюбной улыбкой, в которой мелькнула уверенность: — Главное, чтобы режиссеру Суну понравилось. Надеюсь, премьера фильма пройдет с грандиозным успехом.

— Разумеется.

Вот почему они выбрали популярного артиста: с одной стороны, чтобы соответствовать запросам рынка, с другой — фэндом в плане продвижения сработал на славу, избавив их от множества хлопот.

К тому же за спиной Се Цзюня стоял влиятельный покровитель с большими связями.

Этот человек...

Сун Цюань, сколько ни пытался навести справки через знакомых в кругах, так ничего и не узнал — ему даже имени выяснить не удалось. Даже его собственные замашки художника, презрительно относившегося к продюсерскому вмешательству в творческий процесс, дали трещину. Он поступился гордостью и теперь обращался с Се Цзюнем с крайней осторожностью.

Не знаю, в прошлый раз... — Сун Цюань намеренно понизил голос. Инцидент с исчезновением Се Цзюня на недавних съемках рекламных материалов удалось замять, но в кулуарах об этом ходило немало слухов...

Се Цзюнь сделал вид, что ничего не понимает, и приподнял брови: — О чем вы? — Он протянул свой бокал, слегка стукнув им о фужер Сун Цюаня, издав звонкий хрустальный звук.

— Съемки рекламных материалов в прошлый раз прошли очень успешно, не так ли?

— Режиссер Сун.

Раз уж сам артист не держит зла, то человеку, отвечавшему за общее руководство, естественно, тоже следовало успокоиться и отпустить ситуацию.

Сун Цюань довольно улыбнулся — всё это были лишь пустые светские любезности из мира шоу-бизнеса.

Стоило им перекинуться пара фраз, как со всех сторон гостей начали звать к столам: как-никак, банкет в честь завершения съемок. Се Цзюнь тоже поспешил ответить на приветствия. Пока длился этот бесконечный марафон тостов, количество шампанского в его бокале к концу вечера осталось ровно таким же, каким было в самом начале.

Се Цзюнь, держи, здесь рабочие материалы в оригинальном качестве. — Сун Цюань протянул ему какую-то кассету и усмехнулся: — Это режиссерская версия без купюр. Раз уж ты не сможешь присутствовать на полуночной премьере, заberi это с собой.

Сун Цюань подмигнул. Для мужчины-бета в солидном возрасте такое озорное выражение лица выглядело довольно комично. Оглядевшись по сторонам и убедившись, что поблизости никого нет, он приоткрыл завесу тайны: — Я тут затеваю один масштабный проект, буду претендовать с ним на престижные награды. Я дам тебе роль, главную.

Не дожидаясь ответа Се Цзюня, Сун Цюань предостерегающе поднял руку: — Обсудим все детали через несколько дней.

Толкнув дверь, Се Цзюнь обнаружил в своей руке увесистую сточку белых бумажных

конвертов. При такой старомодной манере выбивания долгов и гадать не нужно — сразу понятно, откуда они. Из больницы. Се Цзюнь увидел женщину на бежевом диване, и его уставшее лицо мгновенно озарилось радостью. Проходя мимо кухни, он услышал голос Вэнь Цзюэ:

— Цзюнь, принеси мне чистой воды.

Цзюнь.

Этот простой слог заставил сердце Се Цзюня забиться от восторга. Ему хотелось превратиться в маленького пятнистого оленя и изо всех сил броситься прямо в грудь женщины.

Открыв холодильник, он увидел целый ряд бутылок чистой воды с одинаковыми этикетками.

Стоили они невероятно дорого.

Раньше Се Цзюнь жалел денег на такую воду и обычно пил бутилированную воду по пятнадцать звездных кредитов за канистру. Но ради Вэнь Цзюэ он легко подчинился этой привычке.

Он протянул стакан, и бледная рука омеги тут же обвилась вокруг шеи женщины, а сам он лениво положил подбородок ей на плечо, заглядывая из-за спинки дивана.

Это был интимный жест.

Вэнь Цзюэ не выказывала недовольства, очевидно, позволяя этому омеге многое.

Взяв стакан и сделав пару глотков, Вэнь Цзюэ поставила его на стол.

Она откинулась на спинку мягкого тканевого дивана — ей нравилась подобная мебель. Она предпочитала мягкие вещи, которые давали ей больше контроля и создавали ощущение безопасности.

Се Цзюнь прислонился к спинке дивана, во взгляде его раскосых глаз читалась привязанность, и он помахал в воздухе белым конвертом.

— Вы знаете, что это? — его пальцы постучали по бумаге.

Голос Се Цзюня звучал дразняще и маняще, лаская мочку уха озорными нотками. Прошептав пару слов на ухо, он отстранился лишь тогда, когда уголки губ Вэнь Цзюэ дрогнули в улыбке.

Но Вэнь Цзюэ вдруг перехватила его за запястье, оставив красное пятно на и без того нежной

коже.

Смех Се Цзюня стал еще звонче. Он попросту вытянул ноги, перемахнул через спинку дивана и рухнул прямо на женщину, а рука, пойманная ею, бесстыдно потянулась к поясу ее халата.

— Разбившаяся в больнице кровать... диван... а еще... — Се Цзюнь подбирался все ближе, приблизив лицо вплоть до дыхания. В его соблазнительных глазах плескались нежность и благоговение, а покрасневшие губы манили страстью. — Рядом валялись осколки разбитого стакана.

— И за лилии в вазе... тоже придется... заплатить...

Вэнь Цзюэ откинулась на диван, просто наблюдая за тем, как Се Цзюнь приближается. Она перехватила его ладонь, но позволила этой пронырливой руке шарить повсюду в поисках запретного.

— Цзюнь, то была стеклянная ваза, а не стакан.

Её голос был донельзя спокойным, так и манящим довести её до иступления и заставить сорваться.

Се Цзюнь не слушал и упорно качал головой.

Беззастенчиво сыпля сладостями, он произнес:

— По сравнению с вашей, она казалась такой крошечной, словно стакан, я бы с легкостью вынес всё.

Вы ведь уже видели~

Один играл с огнем и ластился, а вторая принимала всё без возражений.

Просто там, в больнице, Вэнь Цзюэ поддавалась искушению, породившему в ней наваждение. На белоснежной больничной койке они предавались страсти снова и снова, а её пальцы раз за разом сжимали нежную железу омеги, но она так и не поставила Метку.

Это заставляло его кричать без умолку.

Все альфы снаружи прекрасно понимали, что происходит, и поспешно покидали больницу, подавляя собственные феромоны, поднятые раззадоренным омегой.

На какое-то время вокруг воцарилась пустота, нарушаемая лишь резкими звуками тревоги.

Они сливались воедино.

Самые обыкновенные люди.

Из плотского желания рождалось хрупкое, едва уловимое чувство.

Вэнь Цзюэ переехала на Виллу Цзяошань. Теперь они не спали по разным комнатам, а проводили ночи напролет, сплетаясь в объятиях с Се Цзюнем.

Однако она по-прежнему следовала своему принципу и не ставила омеге Метку — и до сих пор не нарушила его. Се Цзюнь изо всех сил льнул к ней, готовый буквально рассыпаться на части и раствориться в руках Вэнь Цзюэ. Стоило ему приблизиться к Вэнь Цзюэ, как от него начинали исходить феромоны, но было в этом нечто странное.

Ни один другой альфа, уловив запах феромонов, не выломал дверь.

— Что ты делал сегодня? — Вэнь Цзюэ помогла мужчине отвести в сторону прядь светло-серебристых волос, упавшую на уголок глаза.

Хотя ему уже исполнилось двадцать девять лет, в присутствии женщины он всё еще терял рассудок под влиянием вторичного пола. Вэнь Цзюэ сохраняла дистанцию: даже когда они сливались воедино, эта дистанция всё равно оставалась.

Но именно это расстояние манило его, заставляя слепо бежать за ней.

— Премьера, я же говорил. — От близости мочки его ушей покраснели, румянец на них казался готовым сочиться кровью.

Он хотел достать кассету, замахал руками: — Смотри! — словно хвастался.

— Не ожидал, что в наши дни еще существуют такие древние штучки.

Сама техника съемки с кассеты — это очень древнее проявление человеческой деятельности.

Вэнь Цзюэ взяла её, повертела в руках и кивнула: — Около трех тысяч лет назад люди снимали вот так, это позволяло запечатлеть некоторые детали и неожиданную игру света и тени.

Се Цзюнь выхватил кассету обратно, засунул её за воротник рубашки и с полуулыбкой произвел: — Я даже на премьеру не пошел, вернулся, чтобы побыть с тобой, и как ты меня вознаградишь?

Последние дни они проводили вместе с утра до ночи, и Се Цзюнь, хотя сам не мог сдержаться, упорно перекладывал всю вину на Вэнь Цзюэ.

При этом он перекладывал с больной головы на здоровую и еще торжествовал.

Видя, как эта пара изящных рук тянется к воротнику...

Щелк.

И кассета оказалась у нее в пальцах.

Вэнь Цзюэ взвесила в руке легкую черную коробочку, мягко оттолкнула его и с ласковой улыбкой произнесла: — Цзюнь, вот тебе и награда — посмотрю с тобой фильм.

Се Цзюнь проводил взглядом поднявшуюся Вэнь Цзюэ, которая отправилась искать аппаратуру.

Он бесцеремонно сбросил тапочки, свернулся калачиком на диване и забормотал: — Скучно. Лучше бы ты отнесла меня на кухню на руках... Я ведь...

— Ах!

Мужчина схватился за лоб там, где его коснулись суставы пальцев, невольно выдохнул и широко раскрыл глаза, глядя на Вэнь Цзюэ.

— Так сильно хочется? — Женщина слегка подалась вперед, и в ее миндалевидных глазах читалось не обычное спокойствие, а оттенок нежности, которой она сама от себя не ожидала.

Се Цзюнь воспользовался моментом, подцепил ее пальцем и притянул поближе к своей шее.

Извиваясь, он прижался к ней: — Госпоже Вэнь Цзюэ двадцать пять, откуда ей знать, каков из себя тридцатилетний омега. Он как пересохший колодец — сколько ни влей, всё вместит.

Вэнь Цзюэ намеренно отклонилась назад, но он пошел в наступление, приподнявшись на коленях.

Он обвился ногами вокруг талии женщины-альфы, до упора притираясь длинными ногами к ее белому банному халату, и целиком перенес весь свой вес на Вэнь Цзюэ, повиснув на ней, словно ленивец.

— Цзюнь, слезь, — она поддержала его за округлости, давая опору.

Се Цзюнь становился послушным и сговорчивым, стоило Вэнь Цзюэ произнести имя Цзюнь.

Тогда ему становилось абсолютно всё равно на остальное.

— Ладно, — Се Цзюнь прекратил свои дразнилки и послушно устроился на месте.

...

Этот фильм на самом деле оказался артхаусной драмой.

Когда-то Вэнь Цзюэ вложила в него деньги лишь ради того, чтобы воспользоваться связями Пэй Цзюэси. Это была своеобразная компенсация Се Цзюню, плата за ее собственное чувство вины, но с каждой новой выплатой это чувство становилось всё страннее, заставляя ее снова и снова поступать собственными принципами.

Кассету запустили, в комнате стемнело, и, как и говорила Вэнь Цзюэ, работа со светом была выполнена прекрасно.

Особенно тени от солнца, пробивающиеся сквозь листву: половина падала на лицо Се Цзюня, а

половина — на то, что он держал в руках.

Он держал в ладонях свет.

Держал вождение.

По сюжету главный герой отправляется на старую синюю планету.

Люди с этой планеты в основном уже переселились, проще говоря, это была колыбель человечества. Вот только из-за позднейшего загрязнения и дыма от войн она погрузилась в тяжелую серую пелену, что придавало съемке невероятную художественную выразительность.

В фильме герой Се Цзюня в отчаянии направляется в храм на этой планете, где в разрушенном колоколе только старый мохнатый монах продолжает выбивать глухие звуки.

Он опускается на колени на циновку для молитв, а вмятины под ней уже не распрямляются.

Видя это, Се Цзюнь проникся глубокими чувствами. Он прислонился к спинке дивана и бросил взгляд на сидевшую рядом Вэнь Цзюэ. Ему показалось, что она похожа на бесполое божество из храма — недостижимое и холодное.

— Когда я был в том храме, там действительно жил старый монах, — лениво заговорил Се Цзюнь.

Вэнь Цзюэ повернула голову и внимательно посмотрела на него. На дне ее глаз не было ничего — даже любопытства, лишь дистанция и въевшаяся в кости сдержанность.

— Тот старый монах сказал мне: после того как человечество разделилось на шесть полов, между ними возникло взаимное притяжение, но в основе его лежит зависимость от исключительности друг друга.

— Например, альфа может пометить бету, может пометить омегу, но это вовсе не мешает ему полюбить недоступного ему сородича-альфу. В этот момент люди преодолевают изначальные оковы, их чувства остры, уникальны и лишены оглядки на последствия.

Се Цзюнь замолчал на мгновение и повернулся, встречаясь взглядом с Вэнь Цзюэ.

Слабый свет от проектора падал на лицо мужчины, такое утонченное и в то же время хрупкое.

Се Цзюнь осмелел.

— Вы приняли мое тело, нарушив один принцип. Вы встречаетесь со мной каждый день, нарушив второй принцип...

Он, без сомнения, шел навстречу неизвестности. Тени от длинных ресниц легли на переносицу, а затем, стоило сократить расстояние, в ход пошли кончик носа, губы, подбородок...

— Древние люди говорят, что бог любит троицу... Прежде чем сделать третий шаг, мне кажется, я должен спросить вас...

Се Цзюнь замер на безопасном, по его мнению, расстоянии.

Вэнь Цзюэ сидела против света, и виднелся лишь половину ее силуэта.

Отраженные на экране тени казались прильнувшими друг к другу существами, рыбами, выброшенными на сушу и сплетшимися телами. Но это были всего лишь тени, а не плоть и кровь, вырванные из груди.

И не обещания, сорванные с губ.

Губы Се Цзюня слегка пересохли, розовый кончик языка чуть коснулся их, а голос звучал хрипло и тихо: — Тогда... моя исключительность принадлежит... чему в вас?

Он не рассчитывал, что Вэнь Цзюэ ответит, но в то же время жаждал ответа.

Стоило ей сидеть там, как он был готов смотреть на нее снизу вверх и отдать ей всё на свете.

Виной тому притяжение феромонов?

Се Цзюнь отчаянно искал ответ, который помог бы ему выбраться из омута, куда он погружался всё глубже.

Но женщина лишь смотрела на него, а подушечки ее пальцев приподняли его идеально очерченную линию подбородка.

Интеллигентно улыбнувшись, она произнесла:

— Это лекарство.

— Это яд.

<http://bllate.org/book/21233/2148337>